Ор 82
С 79

СТЕПНЫЕ ОГНИ

Ч

КАЛОВ
941

Ор 82
С-79

СТЕПНЫЕ ОГНИ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ СБОРНИК

№ 4

106033
Оренбургская областная библиотека им. Н. К. Крупской
ПОГАШЕНО
ПРОВЕРЕНО
1970 г. Ц-55

Чкаловское областное издательство
1941

Н. Прянишников

В. И. Даль в Оренбурге

I

Владимир Иванович Даль принадлежит к числу видных деятелей русской культуры XIX века. Поражают широта интересов, разнообразие дарований и колоссальная работоспособность этого человека. Выдающийся натуралист-популяризатор, известный в свое время писатель, крупный этнограф и замечательный лингвист-лексикограф — таков далеко неполный перечень тех поприщ, на которых более или менее ярко проявил себя этот неутомимый труженик.

Моряк по своему первоначальному образованию, Даль еще в молодости оставил службу во флоте, чтобы стать врачом, но и в этой профессии, впоследствии также оставленной, он не ознаменовал себя чем-либо особенным, во всяком случае не прославился, как прославились его товарищи по медицинскому факультету — известный в свое время доктор Иноземцев и знаменитый хирург Пирогов.

Ничего общего с основными интересами Даля не имела и административно-чиновничья служба, в которой протекла большая часть его жизни. Служба эта имела для Даля лишь то значение, что, обеспечивая его материально, давала ему известный досуг для любимых занятий и, кроме того, была сопряжена с частыми разъездами по командировкам, доставлявшим обильную пищу его страсти прирожденного коллекционера и собирателя. Именно во время этих служебных разъездов он производил свои естественно-исторические наблюдения, изучал быт и нравы населения, собирал фольклор и неустанно пополнял запасы для своего знаменитого словаря.

Основательно изучив флору и фауну России, Даль написал превосходные для своего времени учебники ботаники и зоологии, которые были приняты в военно-учебных заведениях и заслужили их автору звание члена-корреспондента Академии наук. Прекрасное знание быта и нравов трудового населения (как русского, так и других национальностей) было использовано Далем для его беллетристики — для популяр-

ных в свое время рассказов и очерков Казака Луганского (литературный псевдоним Даля), высоко оцененных такими компетентными судьями, как Пушкин, Гоголь, Белинский и Тургенев. Как фольклорист, Даль оставил потомству капитальное собрание „Пословиц русского народа“ (свыше 30.000). Собирал он и другие произведения устного народного творчества, отдавая свои записи — с присущей ему скромностью — другим собирателям, соответственно специальности каждого: песни — Киреевскому, сказки — Афанасьеву. Здесь же следует отметить книгу Даля „О поверьях, суевериях и предрассудках русского народа“, а также накопленное им ценное собрание лубочных картин, вошедшее потом в издание Ровинского.

Но главным делом жизни Даля, обессмертившим его имя, была работа над монументальным „Толковым словарем живого великорусского языка“, который, выйдя первым изданием в 1867 году, составил эпоху в русской лексикографии. Отдав работе над словарем свыше пятидесяти лет. Даль включил в него всё, что мог собрать из народной речи и из тех академических словарей, которые выходили раньше. Из 200.000 слов, вошедших в „Толковый словарь“, 80.000 зарегистрированы Далем впервые, причем особенно богато представлены были крестьянские говоры, изученные им в совершенстве.

С научной точки зрения словарь Даля не лишен многих недостатков, вполне естественных для человека, не получившего специального лингвистического образования. Тем не менее он сохраняет свое значение до сих пор, как незаменимое пособие при изучении русского дореволюционного языка и особенно при изучении крестьянского языка во всем его диалектном разнообразии. Особую ценность „Словаря“ составляет то, что при толковании многих слов, относящихся к быту русского крестьянства, к распространенным в народе ремеслам, к народным верованиям и обычаям, Даль сообщает массу сведений чисто этнографического порядка, а в качестве фразеологического материала привлекает огромное количество пословиц, поговорок и оригинальных народных речений. С этой стороны словарь Даля — настоящая этнографическая энциклопедия, которая может служить не только драгоценным справочником, но и увлекательной книгой для чтения.

Говоря об энциклопедизме Даля, следует сделать одну существенную оговорку. Если не считать его естественно-исторических занятий, то все остальные виды деятельности Даля — литература, лексикография и этнография — могут быть сведены к одному, так сказать, знаменателю. В самом

деле беллетристика Даля имеет ярко выраженный этнографический уклон; его словарь, как отмечено выше, тоже насыщен этнографическим элементом; что же касается специально этнографических исследований Даля, то их, следовательно, можно рассматривать, как некую базу, питавшую одновременно и многотомное собрание сочинений Казака Луганского и грандиозный комментарий „Толкового словаря". Таким образом, главным предметом, вокруг которого были сосредоточены интересы Даля, было изучение жизни русского народа в различных ее проявлениях. Это было любовное изучение, движимое чувством глубокого патриотизма. Отец Даля был выходец из Дании, мать — петербургская немка, но сам он свою „национальную принадлежность" определил однажды так: „Кто на каком языке думает, тот к тому народу и принадлежит. Я думаю на русском". Даль не только думал, но и чувствовал по-русски. Это был горячий русский патриот, влюбленный в русский склад ума, в русский быт, в русское народное творчество, в русскую речь и великолепно знавший все русское. „Русского человека, — писал о Дале Тургенев, — он знает как свой карман, как свои пять пальцев".

Очень важно подчеркнуть при этом, что в центре внимания Даля всегда стояла народная масса, преимущественно крестьянство. „Во всю свою жизнь я искал случая посидить по Руси, знакомиться с бытом народа, почитал народ за ядро и корень, а высшие сословия за цвет или плесень, по делу глядя, и почти с детства смесь французского с нижегородским была мне ненавистна..." Демократический характер патриотизма Даля отмечал Белинский: „К особенности его любви к Руси принадлежит то, что он любит ее в корню, в самом стержне, основании ее, ибо он любит простого русского человека, на обиходном языке нашем называемого крестьянином и мужиком... он умеет мыслить его головой, видеть его глазами, говорить его языком".

Однако в этом тяготении Даля к трудовому народу совсем не было тех революционных элементов, какие мы знаем в русском народничестве 70-х годов. Он не был передовым человеком — ни по общему мировоззрению, ни по своим политическим взглядам. Объясняется это в значительной мере воспитанием, а также последующими связями Даля. Одно время Даль примыкал к молодой редакции органа славянофилов — „Москвитянина". Характерна в этом смысле его личная близость к Мельникову-Печерскому, а также к такому видному представителю консервативного лагеря, как Погодин. Даль идеализировал патриархальную русскую деревню. Народолюбие его было густо окрашено в славянофиль-

ские тона, а в своей борьбе против иноземных влияний в области литературного языка он впадал иногда в националистические крайности, которые вызывали в памяти немало курьезного из филологической практики русских архаистов начала XIX века и их пресловутого лидера—адмирала Шишкова.

И все же, несмотря на эти реакционные моменты в идеологии Даля, получившие должный отпор в революционно-демократической публицистике конца 50-х годов, — следует признать, что объективно деятельность Даля, сводившаяся к сочувственному показу русского крестьянства — угнетенного и темного, но свободолюбивого и даровитого, — имела для своего времени большое прогрессивное значение. Значение это прекрасно выразил Гоголь, писавший о Дале в 1846 году: „...каждая его строчка меня учит и вразумляет, придвигая ближе к познанию русского быта и нашей народной жизни; ...всяк согласится со мной, что этот писатель полезен и нужен всем нам в нынешнее время. Его сочинения — живая и верная статистика России".

В. И. Даль родился 10 (22) ноября 1801 года в Луганске, б. Екатеринославской губернии (ныне Ворошиловград), где отец его, Иоганн Даль (датчанин, принявший русское подданство), служил врачом на казенном чугунолитейном заводе. Человек строгих нравственных правил, Иоганн Даль воспитывал детей в духе преданности своей новой родине. „Он, — читаем мы в краткой автобиографии В. И. Даля, — при каждом случае напоминал нам, что мы русские, знал язык, как свой, жалел в 1812 году, что мы еще молоды и негодны..."

Позднее отец Даля перешел на службу в Черноморский флот, где был медицинским инспектором. Поэтому молодой Даль получил первоначальное образование в морском корпусе (в Петербурге), откуда в 1819 году был выпущен мичманом в Черноморский флот. Когда, по окончании корпуса, Даль ехал из Петербурга к месту своего назначения, с ним в дороге произошел один знаменательный эпизод, о котором биограф Даля Мельников-Печерский рассказывает так:

„Морозным вечером, в марте 1819 года, по дороге из Петербурга в Москву, тогда еще не только не железной, но и не каменной, на паре почтовых лошадей ехал молоденький мичман. Мичманская одежда, с иголочки, плохо его грела. Молоденький мичман жался в санях. Ямщик из Зимогорского Яма (дело было в Новгородской губернии) поглядел на небо и в утешение продрогшему до костей моряку указал на пасмурневшее небо — верный признак перемены к теплу.

— Замолаживает! — сказал он.

По-русски сказано, а мичману слово ямщика не вразумилось.

— Как замолаживает? — спросил он.

Ямщик объяснил значение незнакомого мичману слова. А тот, несмотря на мороз, выхватывает из кармана записную книжку и окоченевшими от холода руками пишет: „Замолаживать — иначе пасмурнеть — в Новгородской губернии значит заволакиваться тучками, говоря о небе, клониться к ненастью...“ Эти строки, написанные на морозе в 1819 году (они сохранились у Даля), были зародышем того колоссального труда, который ученому миру известен под названием „Толкового словаря живого великорусского языка“. С тех пор с каждым днем книжка пополнялась. Записывались областные слова, особенные обороты народной речи, пословицы, поговорки, прибаутки. Лет через десять книжка превратилась в несколько толстых увесистых тетрадей, исписанных мелким, бисерным почерком Даля“.

Не имея призвания к флотской службе, Даль тяготился ею, тем более что вскоре же у него возникли неприятности с начальством, заставившие его перейти из Черноморского флота в Балтийский. Кроме того, выяснилось, что по состоянию своего здоровья Даль не мог переносить морской качки. Тем не менее в течение известного срока Даль должен был оставаться в морском ведомстве, чтобы заплатить своей службой за казенное содержание в морском корпусе. Только через шесть лет он мог, наконец, выйти в отставку и тогда же поступил в Дерптский университет. Подобно своему отцу, Даль решил сделаться медиком, хотя этому мешало совершенное незнание латинского языка, которому не учили в морском корпусе. Это препятствие не остановило Даля, он начал учиться латыни с азбуки и уже через три года (в 1829 г.) напечатал докторскую диссертацию на латинском языке. По случаю войны с Турцией Даль, вместе с другими наиболее способными студентами — медиками, был выпущен из университета досрочно и прямо со студенческой скамьи отправился в поход в качестве военного врача. На войне Даль зарекомендовал себя очень хорошим хирургом. Вместе с тем, постоянно общаясь с солдатами, происходившими из разных мест России, он пользовался каждым часом досуга для записи народных слов и выражений. Вскоре записей этих накопилось так много, что в походе под Адрианополем у Даля был верблюд, навьюченный материалами для словаря. Однажды верблюд этот пропал и лишь спустя неделю был найден казаками. Судьба явно покровительствовала не-

утомимому лексикографу: драгоценный вьюк оказался в полной сохранности.

По заключении мира с турками началась Польская кампания (1830—31 гг.), и Даль был переброшен на новый фронт. Здесь этот разносторонне одаренный человек отличился однажды с совершенно неожиданной стороны. Отряд генерала Редигера, при котором Даль был врачом, должен был переправиться через Вислу, но в отряде не было ни одного инженера, способного навести понтонный мост. Доктор медицины взялся за это дело и с успехом выполнил его. За эту „операцию" хирург Даль был награжден орденом.

По окончании войны Даль поступил ординатором в Петербургский военный госпиталь и тогда же дебютировал на литературном поприще, издав в 1832 году свой первый литературный труд — пять русских сказок, представлявших из себя обработку народных сказок. Бойкие, полные неподдельного юмора, сказки эти сразу же доставили Далю известность в литературных кругах, но вместе с тем причинили ему и неприятность. Пресловутым Булгариным в сказках были усмотрены „неблагонамеренные мысли", книга была изъята из обращения, а автор препровожден в III отделение. Даля спасло лишь заступничество Жуковского, по ходатайству которого он был освобожден из-под ареста в тот же день.

Были у Даля неприятности и по службе в военном госпитале, где он вызвал нерасположение бюрократического начальства своей прямотой и неподкупной честностью. Под влиянием этих неблагоприятных обстоятельств, а также обозначившегося разочарования в современном состоянии медицины Даль решил переменить профессию и ждал лишь удобного к тому случая. Случай этот скоро представился. Через Жуковского Даль был знаком с влиятельным генералом В. А. Перовским (внебрачным сыном графа Алексея Разумовского, бывшего при Александре I министром народного просвещения). Весной 1833 года Перовский был назначен оренбургским военным губернатором. Собираясь в Оренбург, он хотел иметь там при себе литературно образованного чиновника особых поручений и пригласил на эту должность Даля. Последний охотно принял предложение и по ходатайству Перовского был уволен из военно-медицинского ведомства с переводом в министерство внутренних дел в чине коллежского асессора. Так началась многолетняя административно-чиновничья служба Даля, первым местом которой был Оренбург.

II

В. И. Даль прибыл в Оренбург в конце июля 1833 года (несколько позднее Перовского), задержавшись в Петербурге в связи с женитьбой (на урожденной Юлии Андре). По прибытии в Оренбург Даль был зачислен в штат при губернаторе. Вскоре же Даль был послан Перовским в ответственную командировку в землю уральских казаков, которая входила тогда в состав Оренбургского края и своеобычное население которой причиняло оренбургским властям постоянное беспокойство. Даль сделал за эту поездку около 2500 верст (по маршруту Оренбург—Уральск—Гурьев, с заездом на обратном пути в Букеевскую орду и на Узени) и уже тогда сделал немало интересных наблюдений над бытом, нравами и говором уральского казачества.

Возвращение Даля из этой командировки совпало с прибытием в Оренбург А. С. Пушкина (18 сентября ст. ст. 1833 г.). С Пушкиным, как и с другими известными писателями того времени, Даль был знаком через Жуковского.

Даль был рад знаменитому гостю, он ознакомил его с достопримечательностями города и сопровождал его в Бердскую станицу — бывшую ставку Емельяна Пугачева. „Пушкин прибыл негаданный и нечаянный, — вспоминал потом Даль об этой встрече, — и остановился в загородном доме у военного губернатора Василия Алексеевича Перовского, на другой день перевез я его оттуда, ездил с ним в историческую Бердинскую станицу, толковал, сколько слышал и знал местность, обстоятельства осады Оренбурга Пугачевым".

Понятно, что, знакомя Пушкина с городом (в то время очень небольшим), Даль в первую очередь показал ему все места, связанные с Пугачевым: Георгиевскую церковь в Форштадте, с колокольни которой Пугачев бомбардировал осажденный им город; остатки земляных работ, приписываемых преданием Пугачеву (против северо-восточной части города, между орских и сакмарских ворот); зауральную рощу, откуда Пугачев пытался однажды по льду штурмовать город, не имевший стен и бастионов вдоль обрывистого берега реки и, следовательно, открытый с этой стороны. Между прочим Даль говорил Пушкину „о незадолго умершем здесь священнике, которого отец высек за то, что мальчик бегал на улицу собирать пятаки, коими Пугач сделал несколько выстрелов в город вместо картечи, — о так называемом секретаре Пугачева Сычугове, в то время еще живом, и о бердинских старухах, которые помнят еще „золотые" палаты Пугача, то-есть, обитую медною латунью избу".

По дороге в Берды у Даля завязался с поэтом интересный литературный разговор. Пушкин убеждал Даля написать роман и поделился с ним собственными творческими замыслами, из которых самым значительным в тот момент была поэма о Петре. По словам Даля, Пушкин „воспламенился в полном смысле слова, коснувшись Петра Великого, и говорил, что непременно, кроме деописания о нем, создаст и художественное о нем произведение...“ Действительно, в ту же осень, по возвращении Пушкина из оренбургской поездки, в Болдине был написан „Медный всадник“.

Поездка в Берды, как известно, оказалась очень удачной. „В Бердах, — вспоминает Даль, — мы отыскали старуху, которая знала, видела и помнила Пугача. Пушкин разговаривал с нею целое утро; ему указали, где стояла изба, обращенная в золотой дворец... Старуха спела также несколько песен, относившихся к тому же предмету, и Пушкин дал ей на прощанье червонец“.

По возвращении из Берд Пушкин отобедал на даче у Перовского, а вечер того же дня (19 сентября) провел у Даля в оживленной беседе с хозяином, затянувшейся до глубокой ночи. Любопытна при этом одна подробность, показывающая, насколько популярен был Пушкин даже в таком захолустье, каким был тогдашний Оренбург. По свидетельству Е. Ворониной, „М-me Даль рассказывала, как всем дамам хотелось видеть Пушкина, когда он был здесь... Две ее знакомых барышни узнали от нее, что Пушкин будет вечером у ее мужа и что они будут вдвоем сидеть в кабинете Даля. Окно этого кабинета было высоко, но у этого окна росло дерево; эти барышни забрались в сад, влезли на это дерево и из ветвей его смотрели на Пушкина, следили за всеми его движениями, как он от души хохотал; но разговора не было слышно, так как рамы были уже двойные“.

20 сентября Пушкин выбыл из Оренбурга, и есть некоторые данные, позволяющие думать, что Даль сопровождал его до Уральска.

Оренбургское свидание Даля с Пушкиным не было последним. Через три года Даль вместе с Перовским довольно долго пробыл в Петербурге и там не раз встречался с Пушкиным, а когда в феврале 1837 года поэт был смертельно ранен на дуэли, Даль в качестве врача неотлучно присутствовал у смертного одра своего великого друга вплоть до последнего его вздоха. В очерке „Смерть А. С. Пушкина“ Даль с протокольной обстоятельностью рассказал об этом своем скорбном дежурстве и сохранил для потомства много драгоценных подробностей о последних днях и часах великого поэта.

На память о Пушкине, как рассказывает сам Даль, у него остались две реликвии: „Мне достался от вдовы Пушкина на подарок: перстень с изумрудом, который он всегда носил последнее время и называл — не знаю почему — талисманом; досталась от В. А. Жуковского последняя одежда Пушкина... Это черный сюртук с небольшою, в ноготок, дырочкою против правого паха...“ Мельников-Печерский, близко знавший Даля, сообщает, что умирающий Пушкин сам отдал Далю свой перстень и что „...этот перстень Владимир Иванович носил до смерти на той руке, которая написала „Словарь живого великорусского языка“. А относительно сюртука тот же Мельников-Печерский передает следующее: „Незадолго до роковой дуэли Пушкин услыхал от Даля, что шкурка, которую ежегодно сбрасывает с себя змея, называется по-русски выползина. Ему очень понравилось это слово... На другой день Пушкин пришел к Далю в новом сюртуке: „Какова выползина!“—сказал он, смеясь своим веселым, звонким, искренним смехом. „Ну, из этой выползины я не скоро выползу. В этой выползине я такое напишу, что и ты не охаешь, не отыщешь ни одной французятины...“ Случилось же так, что Пушкин был ранен в этом самом сюртуке. И когда в предсмертной борьбе отдал он Далю свой талисман, дрожащим, прерывающимся голосом промолвил: „Выползину тоже возьми себе“.

Известно, что после смерти Даля обладателем пушкинского „талисмана“ стал Тургенев, сюртук же Пушкина Даль еще при жизни своей передал на хранение историку Погодину.

III

„Во всю жизнь свою я искал случая поездить по Руси“,— признавался Даль в своей автобиографической записке, написанной по просьбе академика Грота. Восьмилетняя служба в Оренбурге была очень удобна для Даля в этом отношении, так как была сопряжена с частыми служебными поездками по обширному краю, в состав которого входили тогда, кроме нынешней Чкаловской области, Башкирия и значительная часть нынешнего Казахстана. За восемь лет Даль изъездил этот край вдоль и поперек. По утверждению Мельникова-Печерского, именно в Оренбурге сделал Даль „главнейшее пополнение запасов для словаря“. Нужно сказать, что Оренбургская губерния, где, помимо аборигенов, уже тогда немало было переселенцев из Тамбовской, Воронежской, Орловской, Пензенской, Калужской и других губерний, представляла из себя чрезвычайно благодарную тер-

риторию для такого страстного лексикографа, каким Даль уже был к моменту своего переезда в Оренбург.

Несомненно, что оренбургские годы имели очень большое значение в деле расширения диалектологических познаний Даля. Познания эти стали с течением времени настолько совершенными и точными, что Даль по двум-трем словам своего собеседника безошибочно определял его географическое происхождение. Однажды на даче Даль вступил в разговор с двумя монахами, „сборщиками на церковное строение". „Я их посадил, — рассказывает Даль, — начал расспрашивать и удивился с первого слова, когда молодой сказал, что он вологжанин. — Я еще раз спросил: да вы давно в том краю? — „Давно, я все там". — Да откуда же вы родом? — „Я тамодий" — пробормотал он едва внятно, кланяясь. Только что успел он произнести слово это — тамодий, вместо тамошний, как я поглядел на него с улыбкой и сказал: — А не ярославские вы, батюшка? — Он побагровел, потом побледнел, взглянулся, забывшись, с товарищем и отвечал, растерявшись: „Не, родимый!". — О, да еще и ростовский! — сказал я, захохотав, узнав, в этом „не, родимый" необлыжного ростовца. Не успел я произнести этих слов, как вологжанин мне бух в ноги: — не погуби!.. Под монашескими рясами скрывались двое бродяг с фальшивыми видами..."

Несмотря на беспрерывную иммиграцию из центральных губерний, что делало язык населения Оренбургского края очень пестрым в диалектном отношении, на его территории уже в первой половине прошлого века был значительный процент русских старожилов, говор которых приобрел некоторые характерные и более или менее устойчивые особенности, отмеченные Далем в статье „О наречиях русского языка" (1852 г.). В ней отмечены лишь фонетические и морфологические особенности оренбургского и уральско-казачьего говоров. Что касается русской лексики местного края, то вся она, подкрепленная соответствующей фразеологией, вошла в „Толковый словарь", составив в нем довольно значительный процент слов и речений с пометкой — „орнб." или „урал-казч".

В Оренбурге созрела у Даля и самая мысль о составлении словаря, благодаря чему собирание слов и речений, которому он предавался издавна, приобрело теперь определенную цель и стало более планомерным. Мысль о словаре возникла у Даля в связи с изучением древних памятников русской письменности, которым он стал увлекаться в Оренбурге и которое подружило его с инспектором классов оренбургского Неплюевского кадетского корпуса — А. Н. Дьяконовым, большим знатоком и любителем древне-русской сло-

весности. Мельников-Печерский сообщает об этом следующее: „Когда, лет через десять после того, я в Нижнем-Новгороде каждый почти день бывал у Даля, и мы целые вечера просиживали с ним над актами археографической комиссии, над летописями и житиями святых, отыскивая в них по крохам старинные слова и объясняя их остатками, сохранившимися по разным закоулкам русской земли, он бывало часто говаривал: „Вот точно так же Александр Никифорович Дьяконов в Оренбурге ходил ко мне с Киршей Даниловым да с памятниками русской словесности XII века, и точно так же мы целые вечера просиживали над ними с покойником. Изучение старинных памятников утвердило тогда во мне намерение составить Словарь, а то право не раз приходило на ум бросить все запасы для него, как ни на что негодный хлам. Дьяконов поддержал меня. Если будет когда-нибудь словарь, так спасибо вам с покойным Александром Никифоровичем."

Достоверность этого сообщения подтверждает и сам Даль в своем „Напутном слове" к Словарю (1862 г.), где он с благодарностью отмечает „дельное сочувствие" к своей работе обоих названных выше лиц: „Помощников в отделке словаря найти очень трудно, и правду сказать, этого нельзя и требовать: надо отдать безмездно целые годы жизни своей, работая не на себя, как батрак. Таких помощников или сотрудников у меня не было; мало того, по службе и жизни вдали от столиц, даже почти не было людей, с которыми бы можно было отвести душу и посоветоваться в этом деле. В сем отношении нельзя не помянуть мне, однако, двух дружески ко мне расположенных людей, в которых я находил умное и дельное сочувствие к своему труду: А. Н. Дьяконова, уже покойника, бывшего инспектора корпуса в Оренбурге, и П. И. Мельникова, в Нижнем".

В том же „Напутном слове" Даль горячо ратовал за максимальное приближение книжного русского языка к истокам народной речи. Он не был доволен современным ему состоянием русского литературного языка, в котором изобиловали иноязычные слова и обороты. „Пришла пора, — писал он, — подорожить народным языком и выработать из него язык образованный... Другого, равного ему источника нет, а есть только еще притоки; если же мы, в чаду обаяния, сами отсечем себе этот источник, то нас постигнет засуха, и мы вынуждены будем растить и питать свой родной язык чужими соками, как делают растения тунеядные, или прищепой на чужом корню... Живой народный язык, сберегший в жизненной свежести дух, который придает языку стойкость, силу, ясность, целость и красоту, должен послужить источником

сокровищницей для развития образованной русской речи...“

Мы уже отмечали, что в своем стремлении освободить русский язык от иноязычных примесей Даль впадал иногда в крайности. Он, например, предлагал называть атмосферу „колоземицей“, гимнастику — „ловкосилием“ и т. п. Но эти курьезы, напоминавшие собою шишковские „мокроступы“ (калоши) и „тихогромы“ (фортепиано), не должны заслонять от нас того здорового, что было в заботах Даля о чистоте русского литературного языка. Вспомним широко известную заметку Ленина „Об очистке русского языка“, в которой он с возмущением писал: „Русский язык мы портим. Иностранные слова употребляем без надобности. Употребляем их неправильно. К чему говорить „дефекты“, когда можно сказать недочеты или недостатки или пробелы?.. Не пора ли нам объявить войну употреблению иностранных слов без надобности?“ (Ленин. Соч. т. XXIV, стр. 662).

Другая крайность, которая портила реформаторские попытки Даля в области языка, заключалась в его пристрастии к областным словам и речениям. Здесь он тоже доходил до курьезов. Летом 1837 года в Оренбург приезжал Жуковский, который сопровождал наследника престола (будущего императора Александра II) в его путешествии по востоку России. Даль „представил в разговоре известнейшему из нынешних наших стихотворцев“ пример своего „перевода“ с литературного на „народный язык“. По литературному: „Казак оседлал лошадь как можно поспешнее, взял товарища своего, у которого не было верховой лошади, к себе на круп и следовал за неприятелем, имея его всегда в виду, чтобы при благоприятных обстоятельствах на него напасть“. По народному: „Казак седлал уторопь, посадил бесконного товарища на забедры и следил неприятеля вназерку, чтобы при спопутности на него ударить“. Жуковский по этому поводу заметил, что „...так можно говорить только с казаками, и при том о близких им предметах“.

Жуковский в данном случае был безусловно прав, но он не сумел оценить заложенных в языковой концепции Даля элементов подлинного демократизма. Об этом вспоминал Даль в своей автобиографической записке: „Греч и Пушкин горячо поддерживали это направление мое, также Гоголь, Хомяков, Киреевские, Погодин (речь идет об общем стремлении Даля к демократизации литературного языка. *Н. П.*); Жуковский был как бы равнодушнее к этому и боялся мужичества“.

Не следует смущаться тем окружением, в какое попали здесь имена Пушкина и Гоголя. Если разные люди положительно оценивают одно и то же явление, это еще не значит,

что они вкладывают в свои оценки одинаковое содержание. Мнение Гоголя о Дале приведено нами выше. Что касается Пушкина, то его положительное отношение к языковой деятельности Даля становится вполне понятным в свете его собственных высказываний о народном языке и о той роли, какую он должен играть в процессе образования литературного языка. Вспомним советы Пушкина, обращенные к современным ему писателям, — учиться русскому языку у московских просвирен, „вслушиваться в простонародные наречия". Приведем также следующие слова гениального создателя русского литературного языка: „Разговорный язык простого народа (не читающего иностранных книг и, славу богу, не выражающего, как мы, своих мыслей на французском языке) достоин также глубочайших исследований". (Пушкин, „Наброски возражений критикам языка „Евгения Онегина", 1830 г.).

IV

На годы, проведенные Далем в Оренбурге, падает большая часть и его беллетристической продукции. Прежде всего Даль продолжает здесь свои сказки, несмотря на неприятные воспоминания, связанные с его первым выступлением в этом жанре (в 1832 г.). С 1834 по 1839 год сказки Даля, представлявшие из себя вольную обработку фольклорных сюжетов, систематически появляются в „Библиотеке для чтения" Сенковского (под заглавием „Были и небылицы"). Между прочим Даль любил и умел читать свои сказки вслух в обществе оренбургских друзей и знакомых. В одном из писем Е. Ворониной есть такое сообщение: „Вечер провели мы очень приятно. Сначала явился Дурасов, потом Перовский с Далем и его женой. Перовский уехал ранее всех, тогда Даль послал за своими сказками и прочел нам две из них, презабавные и прекрасно написанные в самых народных русских выражениях. Одна под названием „О воре и бурой корове", другая: „Дочь Строева или коровушка-буренушка". И он читал их очень хорошо".

Наряду со сказками Даль вскоре переходит к повестям и очеркам из современного русского быта. Лучшие из них („Бедовик", „Колбасники и бородачи", „Павел Алексеевич Игривый") были напечатаны в „Отечественных записках" Краевского. В иллюстрированном сборнике Башуцкого, вышедшем в 1841 году под названием „Наши, списанные с натуры русскими", Даль поместил очерки „Уральский казак", „Чухонцы в Питере", „Петербургский дворник", „Денщик" и „Находчивое поколение". Использовав свои этнографиче-

ские наблюдения, накопленные во время пребывания в юго-западном крае, Даль написал в Оренбурге рассказы „Цыганка", „Болгарка" и „Подолянка". Здесь же написана и автобиографическая повесть Даля „Мичман Поцелуев".

Превосходно изучив кочевой быт казахского народа, Даль написал в Оренбурге две замечательных повести — „Бикей и Мауляна" и „Майна", первая из которых была переведена на французский язык и была напечатана в Париже в 1845 году. Знакомство Даля с фольклором башкирского народа нашло свое отражение в рассказе „Башкирская русалка". К этому же „восточному" циклу следует отнести сказку „Вараны", напечатанную в „Москвитянине" 40-х годов и, по сообщению Мельникова-Печерского, „...наделавшую в свое время много говора и даже переполоху между окружными начальниками и другими губернскими чиновниками ведомства государственных имуществ".

В настоящее время Даль-беллетрист почти забыт. Главная причина писательской недолговечности Даля заключается в том, что он не был художником-творцом. Слабые стороны писательского дарования Даля очень метко подметил еще Тургенев в своей рецензии на „Повести, сказки и рассказы казака Луганского" (1846 г.). В этой рецензии (в общем положительной) Тургенев писал, что у Даля „...гораздо больше памяти, чем воображения", что „... связать и распутать узел, представить игру страстей, развить последовательно целый характер — не его дело". Но тот же Тургенев отмечает в произведениях Даля целый ряд достоинств, которые обеспечили ему и прижизненную популярность, и определенное место в истории русской литературы. Помимо народности (в смысле знания трудового русского народа и сочувствия ему), Тургенев ставит Далю в заслугу его бытовой реализм, принадлежность к „натуральной" школе: „...где рассказ не переходит за черту „физиологии", где автор пишет с натуры, ставит перед вами брюхача-купца, или русского мужичка на завалинке, дворника, денщика, помещика-угнетателя, чиновника средней руки — вы не можете не прийти в упоение..." Самый примат „памяти" над „воображением" составлял, по мнению Тургенева, своеобразное преимущество Даля: „...такая верная и быстрая память стоит любого воображения. Мы, пожалуй, готовы согласиться, что проживи г. Даль весь свой век в одном городе, талант его не развился бы и вполовину; но мало ли людей, которые изъездили все российское государство вдоль и поперек, и — ничего не видали, ничего не слыхали и ничего не помнят, или помнят совершенные пустяки. Разве не талант — уменье одним взглядом подметить характеристические черты

края, народонаселения, уловить малейшие выражения разных личностей и, среди всякого рода дрязгов и мелких хлопот, сохранить неизменную, непринужденную веселость?.." Короче говоря, Тургенев ценил в Дале зоркого и памятливого очеркиста, много видевшего и умевшего точно, правдиво и занимательно рассказать о том, что он видел.

Именно эти достоинства Даля, позволившие ему сыграть известную роль в становлении русского литературного реализма, обусловили несколько преувеличенную оценку его заслуг со стороны пламенного пропагандиста натуральной школы — Белинского. Последний писал, что Даль „...создал себе особенный род поэзии, в котором у него нет соперников. Этот род можно назвать физиологическим. Повесть с завязкой и развязкой не в таланте В. И. Луганского, и все его попытки в этом роде замечательны только частностями, отдельными местами, но не целым. В физиологических же очерках лиц разных сословий он — истинный поэт, потому что умеет лицо типическое сделать представителем сословия, возвести его в идеал, не в пошлом и глупом значении этого слова, т. е. не в смысле украшения действительности, а в истинном его смысле — воспроизведения действительности во всей ее истине. „Колбасники и бородачи", „Дворник" и „Денщик" — образцовые произведения в своем роде, тайну которого так глубоко постиг В. И. Луганский После Гоголя это до сих пор решительно первый талант в русской литературе". (Белинский, „Русская литература в 1845 году").

Натуральная школа, закрепившая победы основоположников русского реализма — Пушкина, Лермонтова и Гоголя и подготовившая последующий расцвет критического реализма, была самым прогрессивным течением в русской литературе 30—40-х годов XIX века, и заслуга Даля заключалась в том, что он, несмотря на скромные размеры своего дарования, сумел стать в ряды активных деятелей этого течения и подвизаться в этих рядах в почетном соседстве начинавших тогда Тургенева, Некрасова, Гончарова, Достоевского. Подобную роль выполняли тогда в литературе и другие второстепенные (ныне тоже забытые) беллетристы — Вл. Сологуб, Иван Панаев, Дружинин и др.

Но историко-литературное значение Даля не исчерпывается его принадлежностью к натуральной школе. Помимо столбовой дороги критического реализма русская литература XIX века знает еще несколько побочных троп, и на некоторых из них беллетристика Казака Луганского оставила свой заметный след. Своим „этнографизмом" Даль оказал несомненное влияние на идейно близкого ему Мельникова-Печер-

ского, а своим оригинальным и колоритным языком, своей любовью к словесному орнаментализму и наклонностью к сказовой манере он подготовил замечательного мастера сказового жанра — Лескова. Все это делает Даля более интересным по сравнению с другими, современными ему, „малыми" авторами, и этим, вероятно, объясняется тот факт, что, растеряв после своей смерти широкую читательскую аудиторию, Даль продолжал находить горячих поклонников среди людей писательского цеха. В виде примера можно указать на поэта Я. Полонского, который в 1893 году писал одному своему корреспонденту: „Знаете ли, что я теперь перечитываю? Рассказы Даля, — и уверяю вас, они так хороши, что, живи он в наше время (после Тургенева и Л. Толстого), он бы за пояс заткнул наших, в нашей современной литературе излюбленных рассказчиков. Так знать русского мужика и бабу, как знает их Даль, никто не знает, — и какое простодушие, какая сжатость языка и какое богатство народных — позабытых нами выражений".

V

Вполне естественно, что для чкаловского читателя особый интерес представляют те рассказы и очерки Даля, содержание которых он черпал из местной жизни или из местных исторических воспоминаний. Даль любил встречаться с оренбургскими старожилами и спешил положить на бумагу все, что они могли сообщить ему интересного.

Однажды ему удалось записать воспоминания 85-летнего старика Верхолонцева, который когда-то состоял на службе у Пугачева и участвовал во всех пугачевских походах и боевых операциях, начиная с января 1774 года, когда он был завербован в ряды пугачевцев. Так возник под пером Даля „Рассказ Верхолонцева о Пугачеве" — рассказ, правда, тенденциозный, поскольку рассказчик служил Пугачеву не за совесть, а за страх, но полный живых подробностей, драгоценных для историка.

Сам вождь народного восстания запомнился Верхолонцеву в таком образе: „Пугачев был среднего роста, плотный, в плечах широк, борода окладистая, глаза черные, большие, на нем была парчевая бекешь, род казачьего троеклина; сапоги красные, шапка из покровов церковных... ограбленных раскольниками; самозванец был речист, голос его сиповатый, сам он распорядителен, но впрочем мужик-мужиком".

В целом ряде своих беллетристических произведений, написанных в Оренбурге, Даль использовал записанные им

здесь рассказы русских пленных, побывавших в Хиве и Бухаре.

Таков, например, рассказ „Осколок льду", — о судьбе 14-летней Марии Чернушкиной — казачки Красногорской крепости, которая была похищена казахами (русские называли их тогда киргизами). Ранним летним утром, помахивая хворостиной и напевая песенку, она выгоняла в поле телят, как вдруг „сбоку из оврага, внезапно на нее наскакали верхами два человека... с длинными копьями в руках, в лохмотьях, в мохнатых шапках". Положив пленницу поперек седла и переправившись вброд через Урал, похитители поскакали в сторону и через неделю прибыли в свой аул, кочевавший на песчаном Кара-Куме, близ Сыр-Дарьи. „Здесь продержали ее несколько недель, заставляя пахтать кумыс или прясть верблюжью шерсть и обращаясь, впрочем, с пленницей довольно ласково. Особенно полюбила ее молодая бойкая девка в кованных остроносых сапогах и остроконечной шапке с перьями..."

Вскоре через аул этот проходил караван, направлявшийся в Бухару, и один из купцов-бухарцев купил Машу.

Недели через две караван прибыл в Бухару, и Маша попала к „эмиру или хану бухарскому, которому купец поднес ее из чести, как пешкеш, подарок или приношение из дальней стороны". Умная и проворная Маша приобрела благоволение своей непосредственной начальницы (стряпухи, также русской пленницы) и вошла в доверенность к младшим женам хана: носила от них продавать на базар тюбетейки и другие рукоделья, выручая за это несколько денег на шелк, лоскутья и иглы, которые помогали ханским женам коротать взаперти скучное время. Маша сумела угодить и самому эмиру, человеку хилому и изможденному. Как сметливая и услужливая хожалка, она полюбилась ему, и он не отпускал ее от себя ни на шаг, когда был нездоров.

Три года пробыла Маша в неволе. Освободилась она совершенно неожиданным образом.

Однажды, среди знойного лета, эмир захворал и впал в жестокую горячку. Мечась и стоная, он потребовал от своей сиделки Маши льду и обещал: „Если принесешь, отпущу на волю и выдам, за кого пожелаешь!"

Маше повезло: „Выбежав без ума на улицу, она встретилась носом к носу с таджиком, и этот первый, встреченный ею человек нес в чашке осколок льду..." Эмиру пришлось сдержать свое обещание, и он отпустил ее. „С последним осенним караваном веселая и резвая Маша стала собираться в путь; эмир сам призывал к себе караван-баша и передал пленницу на его ответ".

Недель через шесть прибыли в Орскую крепость, где Маша нашла своего брата на линейной службе, вместе с которым и прибыла затем в родное Красногорье.

„...Вся станица сбежалась; восклицания, рыдания и смех прерывались только по временам звонким чмоканьем приветственных поцелуев. Между красногорскими казаками вскоре нашелся жених... а хозяйки, расторопнее и работящее Маши, конечно, по всем станицам, от Нежинки до Орска, трудно было бы отыскать; мало того, хотя Каменная, как всем вам известно, славится на пространстве этом красотою казачек своих, но знатоки этого дела уверяют, что такой статной и видной женщины, какая вышла из Маши, не было даже и в Каменной".

По делам службы Даль неоднократно бывал в пределах Уральского казачьего войска и за эти поездки хорошо изучил его быт и нравы. В своем очерке „Уральский казак" он дал — в лице гурьевского казака Маркиана Проклятова — мастерски сделанный собирательный образ рядового члена казачьей общины — рыболова и воина. Не случайно, что Даль взял этот тип из малоимущего слоя казачества: „Проклятов век на службе, а от уряду бегает, потому что беден, а семья у него большая". Другими словами, Проклятов избегает чина урядника и предпочитает оставаться рядовым казаком, потому что только при этом условии он мог в течение всей своей боеспособной жизни наниматься на службу за деньги. (По существовавшим в казачестве порядкам богатые могли откупаться от военной службы, нанимая за себя бедняков).

Проклятов отличается прежде всего необычайной физической выносливостью и закаленностью: „ростом не велик, плотен, широк в плечах, навертывает и в 30 градусов морозу на ноги, для легкости, по одной портянке, надевает в зимние степные походы кожаные либо холщевые шаровары на гашнике и если буран очень резок, то, сидя верхом, прикрывает ляжку с наветренной стороны полою полушубка. Морозу он не боится, потому что мороз крепит; ... жару не боится потому, что пар костей не ломит; воды, сырости, дождя не боится потому, как говорит, что сызмала к мокрой работе, по рыбному промыслу, приобык, что Урал — золотое дно, серебряна покрышка, кормит и одевает его, стало быть, на воду сердиться грех, — это дар божий, тот же хлеб".

В отношении нравственного облика Маркиан сильно напоминает толстовского дядю Ерошку. Раскольничьей старозаветности он придерживается лишь в домашнем быту. Но стоит ему очутиться на стороне, в походе, — и он с легким сердцем освобождает себя от соблюдения правил древнего благочестия.

Очерк содержит в себе красочные описания осенней плавни, багренья и аханного рыболовства.

VI

За годы, проведенные в Оренбурге, Даль превосходно изучил быт и нравы казахов. Об этом свидетельствуют его повести „Бикей и Мауляна“ и „Майна“, в которых даны подробные и красочные описания характерных сторон жизни казахского народа в прошлом — как-то: семейно-имущественные отношения, межродовая вражда и те дикие формы, которые она принимала (так называемая баранта), суд и расправа султанов-правителей, караванная торговля, спортивные моменты народных празднеств и проч.

Даль изображает казахов с явной симпатией. Характерно при этом, что, хотя герои „казахских“ повестей взяты им из богатой старшинской верхушки, однако в обеих повестях рассеяно немало наблюдений и замечаний относительно тогдашнего положения трудовой массы казахского народа. С грустью отмечает Даль крайнее обнищание „прилинейных“ казахов, которое было результатом двойной эксплоатации: со стороны туземных богатеев и колонизаторов — царских чиновников: „Полинейные кайсаки вообще так бедны, что на 20 тысяч кибиток, зимующих от Гурьева до Звериноголовска, на протяжении 1850 верст, считают кругом по пяти душ обоего пола на кибитку и притом только по семи голов рогатого скота, по пяти лошадей, по одному верблюду, по сту баранов; но в этом числе есть богачи, у которых десятки тысяч овец и коней, и голыши, у которых на целое семейство одна дойная коза и более доходов решительно никаких; на козу эту вьючит целое семейство все имущество свое и питается молоком ее — через день и два, поочередно; это не сказка, а быль“.

Даль весьма иронически изображает „деятельность“ пограничных царских чиновников (рассказ „Майна“). В рассказе приведен случай, как от „правосудия“ царского чиновника бежали все „прикосновенные“ и неприкосновенные к делу кочевники: „...не исписав еще и третьей стопы, Алексей Федорович, в одно прекрасное осеннее утро, увидел себя с небольшим отрядом своим, на месте ночлега, одного; на всем видимом пространстве не было ни одной кибитки, ни скотины, ни человека — и он, надивившись досыта, возвратился благополучно на линию, с трофеями своими, с двумя задержанными уже прежде, по прикосновенности их, кайсаками... Такое бегство иногда совершается в порядке, если успевают забирать с собою все имущество, не

быв настигаемы неприятелем; но иногда киргизы бегут, при нечаянном нападении на них, в таком страхе и с такою поспешностью, что не только покидают кибитки свои, рогатый скот, баранов, угоняя одних лошадей и верблюдов, но бросают даже старух и хворых стариков, грудных детей, врывают в землю по уши чугунные котлы свои, налив их молоком или кумысом". Страх, подобный тому, какой внушает мирному населению приближение неприятеля, — что может быть убийственней этой характеристики пограничной чиновничьей корпорации, характеристики тем более убедительной, что она исходит от человека, который сам был чиновником.

В рассказе Даля „Бикей и Мауляна" мы находим несколько беглых, но колоритных зарисовок тогдашнего Оренбурга и его окрестностей. Рассказывая о том, как однажды разношерстная толпа оренбургских жителей вышла далеко за город встречать караван, шедший к Оренбургу из Средней Азии, автор сообщает: „В тылу у зрителей был огромный каменный меновой двор, коего стены бесконечного протяжения, казалось бы, готовы заключить в себе всех верблюдов Средней Азии... Позади менового двора, верстах в двух, на том же левом пологом берегу Урала, зеленелась рощица, одна-одинехонька в обширной степи; на противоположном, крутом, европейском берегу реки высилось несколько каменных зданий, разрушающийся губернаторский дом, собор — а повыше, в Форштадте, церковь Георгиевская, знаменитая тем, что Пугачев во время приступа к Оренбургу употребил колокольню Георгиевскую вместо барбета: он втащил на нее пушку, из которой стрелял, за неимением снарядов, пятаками".

Изобразив то, что было „в тылу у зрителей", автор (очевидно, не любивший степи) очень иронически изображает то, что расстилалось впереди: „Я недавно услал к своим вид, снятый неискусною, но услужливою рукою, с зауральской природы, сидя на вышке оренбургского менового двора, или, пожалуй, на крыльце губернаторского дома; ... если вам угодно сделать снимок, не имея подлинника, то возьмите в руки перо или карандаш, положите перед собою большой лист бумаги... начните карандашом с одного конца и ведите прямо, до другого края бумаги, а потом подпишите выше черты: н е б о, а ниже: з е м л я; и я, не видав художественного произведения вашего, скреплю: с подлинным верно, приложу и руку и печать..."

Об Оренбургском гостином дворе Даль пишет: „В Оренбурге есть и гостиный двор, но это огромное здание более походит на арестантский двор или на монастырь; лавки все

обращены внутрь, а снаружи видны одни только стены; все глухо, пусто, мертво, и покупщики неохотно туда заходят".

В толпе, встречавшей караван, было несколько карет и колясок. Это дало автору повод очень язвительно отозваться о тогдашнем оренбургском „бомонде": „Оренбург, в котором с каждого перекрестка во все четыре стороны виден крепостной вал, вмещает в себе столько же рыдванов и колымаг, сколько числится в городе малых и больших домов. Куда на них ездят? спросите вы; да мало ли куда: то за угол, то за другой — визит, дамский визит, сами вы знаете, дело великое; а с визитом не ходить же пешком, да и не ездят же, упаси бог, и на дрожках! Ей-ей, иногда бедному вершнику — фалетору, по-вашему, — некуда деваться, так колымага напирает, так крут поворот от ворот до ворот — нужды нет: пошел четверкой!".

Естественно, что такой свежий, энергичный и образованный человек, каким был Даль, старался оживить местную общественную жизнь и поднять ее на более высокий культурный уровень. Есть все основания полагать, что дом Даля был центром притяжения местной интеллигенции. Мы уже приводили рассказ Е. Ворониной о том, как Даль читал гостям свои литературные произведения. Та же Воронина сообщает, что Даль выступал и на поприще местной „художественной самодеятельности": „Потом начали петь: прежде Дурасов, который поет прекрасно, потом жена Даля приятным голосом; наконец составили трио: Дурасов и Даль с женой пели русские песни прелестно". Некто К. Бух, служивший чиновником в Оренбурге в 1833—36 годах, вспоминает о Дале: „Он был необычайно деятелен: от письменного стола переходил к верстаку, к слесарным и другим навезенным инструментам: нужен ли был винтик, требовалось ли сделать и приладить задвижку — все изготовлял и прилаживал он собственными руками. Впоследствии он построил для пешеходов пловучий мост через р. Урал, соединивший город с загородною на противоположном берегу рощею".

К культурно-общественной деятельности Даля в Оренбурге следует отнести и участие его в организации здесь зоологического музея или, как он официально назывался, „музеум естественных произведений Оренбургского края". (Замысел был шире выполнения). В официальной переписке по организации музея, приводимой Н. Модестовым, мы встречаем имя Даля вместе с именами двух весьма просвещенных лиц из ссыльных поляков — Фомы Зана, магистра философии Виленского университета (друга Адама Мицкевича), и дивизионного ксендза Зеленка (строителя оренбургского костела). Вообще нужно отметить, что, несмотря на свое до-

вольно видное официальное положение, Даль поддерживал дружеские отношения с интеллигентами из политических ссыльных. Для нужд музея были посланы в Петербург обучаться искусству делать чучела животных — четыре казачьих малолетка, и Даль, судя по официальной переписке, был очень озабочен их судьбой. Работа по организации музея находилась в самой тесной связи с естественно-историческими занятиями Даля, за которые он именно здесь, в Оренбурге, получил звание члена-корреспондента Академии наук (в 1834 году). Здесь была переведена Далем „Естественная история Оренбургского края“ Эверсмана. Не переставая интересоваться медициной, Даль стал в Оренбурге ревностным последователем гомеопатии и, по свидетельству П. Бартенева, написал в „Современнике“ 1838 года одну из первых статей в защиту этого учения.

Даль был участником известного по своим плачевным последствиям похода на Хиву, предпринятого Перовским в 1839 году, и писал с дороги письма своим друзьям и знакомым. В первых письмах Даль еще бодрится и пробует отнестись юмористически к тем лишениям, которые выпадали на долю даже наиболее привилегированных участников похода; он явно преуменьшает цифры жертв и потерь, не теряет надежды, что экспедиция достигнет своей цели и увенчается успехом. Но в каждом следующем письме Даль сообщает все более и более тревожные сведения о походе и в конце концов дает истинную картину положения дел. Приведем несколько выдержек из походных писем Даля, написанных в январе—марте 1840 года.

В письме от 18 января, когда отряд двигался от Эмбы к Ак-Булаку[1] Даль сообщает: „Весь путь усеян падшими под ношей своей животными двух передовых колонн“. В письме от 28 января, написанном в Ак-Булаке, читаем: „Несколько нижних чинов (из пехоты) умерли почти скоропостижно; их схватывает под ложкой, дыхание с минуты на минуту более затрудняется, иногда еще присоединяются корчи и — аминь“ В письме от 3 февраля: „У нас теперь падает до 150 и не менее 100 верблюдов в сутки; это на месте без работы, что же было бы на походе? Долго мы обманывали сами себя, никто не смел думать, не только говорить, о возврате; я записал однако же, самой мелкою и нечеткою рукой, в записной книжке своей, 10-го генваря: в первый раз сомневаюсь положительно в нашем успехе; верблюды так плохи, что не дойдешь“.

В последнем письме (от 8 марта 1840 г., с Эмбы) Даль

[1] В 12 верстах от подъёма на Усть-Урт.

писал, что, покидая Ак-Булак, они побросали там „до 3000 четвертей и множество других тяжестей: лодки, канаты, гвозди, ножи, соль, сало, кошмы и пр.“. В том же письме он выражал надежду, что если из Оренбурга им, на Эмбу, пришлют хотя бы шестьсот верблюдов, — то „тогда мы можем весною подняться и дней в 20 дойдем до Оренбурга, или, по крайней мере, до Илецкой. Дни тогда будут подлиннее и корм хороший“.

В кратком послесловии к письмам, составленном очевидно при их публикации в „Русском архиве“, Даль, сообщив о возвращении остатков отряда в Россию, писал: „Уцелевшие радостно встретились с семьями и друзьями своими, а принесшие с собою неисцелимую немочь цынги отправились помирать по больницам...“

Так скандально закончился этот поход, затеянный Перовским с благословения Петербурга. Для Перовского он остался безнаказанным. Больше того, 13 лет спустя, во второе свое оренбургское генерал-губернаторство, этот фаворит Николая I предпринял, в порядке реванша, новый поход на Среднюю Азию и за взятие Ак-Мечети (ныне Кзыл-Орда) получил графский титул (в 1853 г.).

VII

Служебная карьера Даля в Оренбурге протекала гладко. Начав служить при Перовском в чине коллежского асессора, он в 1839 году был уже коллежским советником. В 1868 году, в письме к Я. Гроту, Даль писал об оренбургском периоде жизни: „С 1833 года, когда я получил вдруг, вместо 700 рублей асс., 3000 асс. жалованья и еще денежные награды, я откладывал ежегодно все остатки и заработки, и теперь этим могу жить, записная книжка моя доказывает, что других доходов у меня не было“.

Вскоре по возвращении из Хивинского похода Даль женился вторично — на Екатерине Львовне Соколовой, 19-летней дочери майора Соколова, владевшего имением Гнездовка, в 7 верстах от села Никольского, Оренбургского уезда.

В связи с неудачей хивинского похода Перовский уволился с поста оренбургского генерал-губернатора, а вслед за ним, летом 1841 года, навсегда покинул Оренбург и Даль. Он переехал на жительство в Петербург, где по протекции своего бывшего начальника поступил на службу к его брату, Л. Перовскому, возглавлявшему министерство уделов и вскоре назначенному министром внутренних дел.

В должности секретаря министра и заведующего его канцелярией Даль прослужил восемь лет (1841—1849 гг.). В

министерстве служило тогда немало других литераторов и ученых, как-то: Надеждин, В. Григорьев, граф Сологуб, И. С. Тургенев, Иван Аксаков, Юрий Самарин, граф А. К. Толстой, М. Лонгинов и др. Подобное окружение, естественно, было приятным Далю и не могло не способствовать усилению его литературно-ученых занятий. По свидетельству Мельникова-Печерского, „...по четвергам собирался у Владимира Ивановича кружок близких людей: тут бывали академики, профессоры, литераторы, художники, музыканты, моряки, артиллеристы, военные инженеры, офицеры генерального штаба, все люди мысли, слова и искусства. Здесь-то, на этих четвергах, зародилась и выработалась мысль об учреждении Русского Географического Общества, которое как бы находилось в ведении министра внутренних дел".

Столичная служба Даля не случайно оборвалась именно в конце 40-х годов. Реакция николаевского царствования, принявшая к этому времени наиболее свирепые формы (в связи с революционными событиями на Западе), коснулась и Даля.

По одной версии, сообщаемой Мельниковым-Печерским и подтверждаемой акад. Гротом, дело было так: „В 1848 году граф Перовский, находившийся тогда в сильной борьбе с графом Орловым и Нессельроде, сказал однажды Далю: „До меня дошли слухи, которые могут быть истолкованы в дурную сторону... Что у вас за собрания по четвергам и какие записки вы пишете?" Владимир Иванович с полной откровенностью рассказал все графу Перовскому, которому записки были вполне известны; он все их читал и даже многое сообщал Далю для их дополнений. Министр удовольствовался объяснением, но сказал: „Надобно быть осторожнее". С того дня четверги прекратились, а драгоценные записки погибли в камине..."

Спрашивается: что это за записки? Тот же Мельников-Печерский сообщает о них следующее: „И в Оренбурге при В. А. Перовском, и в Петербурге при графе Л. А. Перовском В. И. Даль успевал уделять время на ведение записок обо всем, что происходило вокруг него, обо всех делах, в которых он принимал участие, как секретарь и доверенное лицо обоих Перовских. Какой драгоценный материал для истории! Но ему не суждено было уцелеть. Уже более полутора стоп бумаги исписано было бисерным почерком Даля. Вслед за описанием Оренбургского края и любопытным сказанием о быте уральских казаков, отбывании ими службы, рыболовстве и отношениях к киргизам, в записках Даля описана была киргизская степь, помещено было множество рассказов русских пленников, вышедших из Хивы, а равно и торговцев, посетивших Бухару, Ташкент и Кокан; расска-

зывалось об экономическом устройстве башкир, описан каждый кантон башкирский. Тут же находилось описание добывания соли на Илецкой Защите, золотых приисков около Златоуста, рыбных ловов на Урале, Эмбе и на Каспийском море; записаны все происшествия (1834—1841), случившиеся в Оренбургском крае, все сношения В. А. Перовского с среднеазиатскими независимыми владетелями и в заключение был подробно описан Хивинский поход 1839—1840 годов. За время с 1842 по 1848 год описаны все замечательные происшествия в империи не только по официальным донесениям, но и по другим источникам, тогда весьма доступным Далю. Рассказано о всех важнейших делах, производившихся в высших государственных учреждениях, при чем набросана была мастерская и правдивая характеристика почти всех тогдашних деятелей и вообще людей в каком-либо отношении замечательных ...“

Таким образом, в камине петербургской квартиры Даля погибли ценнейшие материалы как для общей русской истории, так и для истории Оренбургского края, и местным (чкаловским) краеведам остается довольствоваться лишь теми крупицами погибшей сокровищницы, которые в свое время успели войти в оренбургскую беллетристику Даля.

Из Петербурга Даль переехал в 1849 г. в Нижний-Новгород, где он прослужил десять лет в должности управляющего местной удельной конторой. Должность эта была очень удобной для Даля, так как — в условиях постоянного общения с крестьянами — чрезвычайно облегчала ему продолжение работы по собиранию материалов для словаря.

В 1859 году, не поладив с нижегородским губернатором А. Муравьевым, Даль, имея около 60 лет от роду, вышел, наконец, в отставку и переехал на жительство в Москву. Купив на Пресне дом (против нынешнего зоосада), где когда-то Карамзин писал „Историю государства Российского“, Даль прожил в нем последние 12 лет своей жизни и именно здесь закончил он самое главное свое дело—составление „Толкового словаря“. (Монументальное издание „Пословиц русского народа“ было осуществлено еще в Нижнем.)

Годы брали свое, в Москве Даля стали одолевать старческие недуги, но он работал неутомимо, иногда до обмороков. Торопясь привести в систему колоссальный словарный материал, собранный за десятки лет, Даль говаривал: „Ах, дожить бы до конца Словаря! Спустить бы корабль на воду...“ Особенно напряженной была работа в процессе печатания Словаря. Далю пришлось держать до 14 корректур трехсот тридцати печатных листов. Этот труд осложнялся еще тем, что Словарь печатался шестью разными наборами и притом

не в абзацах, а в строку. Средства на печатание были отпущены частью казной, но главным образом „Обществом любителей российской словесности". Заветная мечта Даля сбылась. Огромный труд, исполненный „одной парой старых глаз", был, наконец, завершен: в 1863 году „Толковый словарь живого великорусского языка" (в четырех огромных томах) вышел в свет. Это было целое событие, по поводу которого историк Погодин писал в Академию наук: „Словарь Даля кончен. Теперь русская Академия без Даля немыслима. Но вакантных мест ординарного академика нет. Предлагаю: всем нам, академикам, бросить жребий, кому выйти из Академии вон, и упразднившееся место предоставить Далю. Выбывший займет первую какая откроется вакансию". Повидимому, дело обошлось без этой щекотливой операции, и автор Словаря был единогласно избран в почетные члены Академии наук. Кроме того ему была присуждена Ломоносовская премия.

Но Даль не успокоился и не почил на лаврах. Немедленно по выходе в свет первого издания словаря он стал готовить второе, так как словарные накопления продолжали расти, а с другой стороны ему стали ясны некоторые изъяны в первоначальном построении словаря, которые необходимо было устранить. На подготовку второго издания и ушли последние годы Даля, и эту работу он вел до последнего вздоха. Уже в самые последние дни жизни, когда повторные апоплексические удары приковали его к одру и сделали неподвижным, он коснеющим языком попросил свою дочь записать несколько новых слов, услышанных им от прислуги.

Скончался Даль 4 октября 1872 года и был похоронен на Ваганьковском кладбище, где за полгода до его смерти была похоронена его вторая жена.

Второе издание Словаря, подготовленное Далем, вышло в свет в 1880—82 гг. В 1903—1909 гг. вышло третье издание под редакцией петербургского профессора Бодуэна-де-Куртене, который внес в словарь много изменений и дополнений, отражавших его либерально-буржуазные установки и значительно изменивших „лицо" словаря, как он был задуман и выношен Далем. В 1914 г. издание это было повторено без изменений. В 1935 году вышло в свет, 5-ое по счету, советское издание словаря Даля, воспроизведенное фото-механическим способом со второго издания.

Академик Грот в своем критическом разборе словаря Даля когда-то писал: „Собранные Далем сокровища языка и ума народного дают целую массу нового материала... К труду этому будут обращаться все, кому нужно изучать с какой бы то ни было стороны народную жизнь; он должен также

сделаться настольной книгой всякого, кто вдумывается в родной язык, кто хочет короче узнать его богатства, а тем более, кто трудится над исследованием его законов. Но Словарь Даля — книга не только полезная и нужная, это книга занимательная; всякий любитель отечественного слова может читать ее или хоть перелистывать с удовольствием. Сколько он найдет в ней знакомого, родного, любезного и сколько нового, любопытного, назидательного! Сколько вынесет из каждого чтения сведений, драгоценных и для житейского обихода и для литературного дела!"

В недавно опубликованном письме к Луначарскому от 18 января 1920 года В. И. Ленин писал:

„Недавно мне пришлось — к сожалению и к стыду своему, впервые, — ознакомиться с знаменитым словарем Даля.

Великолепная вещь, но ведь это областнический словарь и устарел. Не пора ли создать словарь настоящего русского языка, скажем, словарь слов, употребляемых теперь и классиками, от Пушкина до Горького.

Что если посадить за сие 30 ученых, дав им красноармейский паек?

Как бы отнеслись к этой мысли?

Словарь классического русского языка?

Не делая шума, поговорите с знатоками, ежели не затруднит, и сообщите мне ваше мнение".

Частичным выполнением этой ленинской директивы является ныне заканчиваемый изданием четырехтомный „Толковый словарь русского языка" под редакцией проф. Д. Ушакова.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ,

использованной при составлении очерка „В. И. Даль в Оренбурге"

1. Сочинения В. И. Даля, 10 томов, СПБ, 1897—1898. В I томе этого издания — Критико-биографический очерк П. И. Мельникова „Владимир Иванович Даль".
2. Владимир Даль. Толковый словарь в 4 томах, Гиз, Москва, 1935. В I томе этого издания — статья А. Сухотина „В. И. Даль и его толковый словарь". Там же статьи Даля „Напутное слово", „О наречиях русского языка" и др.
3. П. Модестов. Владимир Иванович Даль в Оренбурге, исторический очерк, Оренбург, 1913.

4. Академик Я. К. Грот. Воспоминания о В. И. Дале. (С извлечением из его писем). Записки императорской Академии наук, т. XXII, книга 2, СПБ, 1873.
5. Вл. З-ов. „Русский Литтре", „Исторический вестник", 1882, XI.
6. Письма из Оренбурга, 1833 (Е. Ворониной). „Русский архив", 1902, II.
7. Л. Майков. Пушкин и Даль, „Русский вестник", 1890, октябрь.
8. Воспоминания К. А. Буха, „Записки отдела рукописей" Всесоюзной библиотеки имени В. И. Ленина, 1938.
9. П. Н. Захарьин (Якунин). Хива. Зимний поход в Хиву Перовского в 1839 г., СПБ, 1898.
10. Письма Даля о хивинском походе, „Русский архив", 1867 г.
11. П. Б. (Бартенев). В. И. Даль, „Русский архив", 1872 г.
12. Е. Даль. Вл. Ив. Даль (по воспоминаниям его дочери). „Русский вестник", 1879, июль.
13. И. С. Тургенев. О повестях, сказках и рассказах Даля. 1846. (Сочинения, т. XII).
14. Русские писатели о литературе, т. I и II, изд. „Советский писатель", Ленинград, 1939.
15. В. Вересаев. Пушкин в жизни, 1926.